

День перед решающей битвой был наполнен напряжением и предвкушением.

Армия мятежников, ведомая Готфридом Гесарийским, встала недалеко от имперской армии, которую вели сыновья Императора.

Небо облачное. Воздух наполнился нервным ожиданием и зловещей тишиной.

Лидеры армий собирали своих воинов, делали последние инструктажи и ободряли их уверенностью в своих навыках и силе.

К вечеру в воздухе витал запах дыма от костров, на которых готовили пищу. Лагерь заполнялись смехом от анекдотов, а так же песнями, прославляющими лидеров армий.

Войска проводили последние проверки оружия, укрепляли оборону и украшали себя, готовые умереть за Императора или за свою землю.

Второй сын Империи по имени Имирес Гнице вместе со своим верным телохранителем и другом Имириалом Рейном заходят в командный шатёр.

Наследник всей Империи и великий молодой воин, э Люциан Гнице, сидя на хлипком стуле, изучает отчёты разведчиков. Командиры подразделений, пока наследник занят, делятся своими планами и тактиками над картой быстро нарисованной холмистой местности. Люциан поглаживал свою начавшую расти красную бороду, под которой скрывались перламутровые чешуйки. Люциан не был братом Имиреса по матери, но это не мешало им обоим. Наследник был рождён от союза человека и Королевы драконов, когда как Имирес от союза человека и Королевы эльфов.

Зашедший Имирес получил приветствия от командиров, среди которых выделялись герцог Бертран де Борн и граф Эб де Мо. Люциан оторвал взгляд от бумаг и жестом подозвал младшего к себе.

— Нас 25 тысяч, а их едва наберётся десяток, после Тарахорска, — говорил герцог Бертран де Борн. Старый вояка, воевавший ещё за отца обоих принцев, ничуть не потерял в форме и выносливости. Морщинистые старые руки переставляли фишки коней на холм Имперского лагеря, а после потащили их до вражеского. — Ударим сразу в лоб. Я и тысяча коней сметём этих бунтовщиков. Сражение закончится за 5 минут. Даю слово дворянина Меча.

— Число бойцов ничего не значит, — возразил молодой граф Эб де Мо. — Его Величие побеждал в сражениях с гораздо большим перевесом на стороне врагов. Если мы хотим подавить восстание в этом месяце, то надо дожидаться войск Третьего Генерала. Они ударят во фланг, а мы в тот момент нападём на Готфрида, — граф двигал фишками, что изображали армию Третьего Генерала. Их прихода ждать ещё целых два дня.

Прошедший мимо стола Имирес остановил свой взгляд на графе де Мо. Пышные, модные светлые усы, яркие голубые глаза и ни одного шрама на нежной розовой коже. Для графа де Мо это первая настоящая война. Вроде ему около 25 или 26 лет.

— Слушай сюда, сосунок! Вы, мелочь, не умеете воевать! У вас нет чести, гордости и воинского уважение к сопернику! Я не буду ждать Третьего и их псов. Это сражение - моя слава! Я отрублю голову Готфрида, и именно Я преподнесу её Императору, а не какие-то особенные близняшки в чёрных доспехах! — лицо герцога наполнилось кровью. Он плевался, пока повышенным голосом кричал на графа де Мо.

— Бертрам. Ещё одно слово, и я начну думать, что защита Империи для вас лишь повод набить свои карманы и прославить себя, — не отрываясь от бумаг, Люциан говорит спокойным голосом. — Я и мой брат сами устали от этой войны. Целых два года прыгаем по этим чёртовым холмам. Надоело. Но поэтому мы и должны закончить это без риска опозорится, как ваш сын. А потому прошу вас думать над планом завтрашней битвы и не тратить слов в напрасную.

— Свой план я уже предложил. Нет ничего проще и лучше конной атаки. Мы уничтожим ряды мятежников очень быстро, а потом добьём убегающих.

— Соглашусь с вами, что конница - это прекрасно. Но мы на Западе, — возразил Люциан, наконец, убрав в сторону все бумаги. Наследник встал со стула, с хрустом выпрямился, а уже после подошёл к столу планирования. — Это не речные земли и даже не Север с Востоком. Тут обилие гор, холмов и вот таких вот низин. Ваша конница застрянет на подъёме к врагу, поскольку они к вам не пойдут. Они будут стоять на вершине и срать на вас стрелами, болтами и магией, — Люциан вернул фишки конницы на место.

Командиры от мало до велика начали предлагать свои идеи. Под такой шум и гам Имирес подошёл к брату, встав у правого плеча.

— Наконец ты тут, — старший, улыбаясь, слегка ударил в плечо младшего. — Леди Элхирея написала тебе письмо, — Люциан снимает с пояса закреплённый конверт и отдаёт его в руки брата. - И ещё Цоллерн передала подарок. Он в моей палатке. Не стал открывать его, чтоб не портить сюрприза. Но надеюсь, что там не поэма с признанием в любви. Рано тебе ещё обгонять меня.

— Адель прислала подарок? — Имирес спешно распечатывал письмо матери. - А отец или леди Алинора тебе не писали?

— Неа. Они же знают, что их сын сильнейший воин. Зачем обо мне беспокоится? — улыбнулся Люциан. - Ладно. Вольно. Иди и проверь подарок. Предположу, Цоллерн хочет, чтоб ты его быстрее открыл. Но потом возвращайся. Ты мне нужен здесь.

— Хорошо, Люц. Вернусь так быстро, как только смогу.

Имирес отвернулся и прошёл к выходу. Его глаза смотрели только на бумагу, что несла слова, написанные матерью.

«Как ты там? Надеюсь, тебя не ранили. Как Люциан? Алинора за него сильно беспокоится. Хотя и не показывает этого. Но я чувствую её страх... Ямир говорил, что вы подавите восстание за пол года, но вот вас нет вторую зиму... Мия просила передать вам привет. Бедная девочка... Единственный ребёнок Ямира, что осталась в Столице. Ей так тяжело справляться со всем этим вниманием... Но что я о других. Мне уже лучше. Хворь прошла. Видимо тоже нервничала, как Алинора, когда ты уезжал, вот и дало на здоровье. Возвращайтесь скорее. Люблю вас.

— Леди Элхирея Эльфийская»

Имирес возвращает письмо в конверт и передаёт его в руки Имириала.

— Сохрани его, как и другие письма.

— Да, конечно, Имирес, — кивнул рыцарь, когда они вдвоём вышли из командирского шатра и направились в направлении палатки Люциана.

— Что думаешь об этой войне?

— Тебе так важно знать моё мнение?

— Ты был с моим отцом с самого детства. Когда отец был моего возраста, а ты возраста Люциана, вы вместе, как и я с братом, воевали против своих врагов. Мне важно твоё мнение, как друга отца, моего воспитателя и в своё время лучшего мечника.

Имириал остановился. Его уставшее лицо, покрытое множеством шрамов, погрузилось в раздумья. Лысая голова была направлена к закату солнца. Один оставшийся левый карий глаз смотрел куда-то в пустоту несколько секунд. Почёсывая густую чёрную бороду, Имириал думал почти о всём, что было в его долгой жизни.

— Эта "война" слишком чистая... — наконец телохранитель дал свой ответ. — В молодости, когда я и Ямир дрались бок о бок, то поле боя постоянно воняло мясом. Помню, как он подавлял восстание южан в начале Империи. Убить 50 тысяч человек одним лишь заклинанием... Даже для него это был перебор...

— Мне нет дел до прошлого. Я спрашиваю тебя о настоящем.

— Я ответил, принц. Войны мне давно не по душе. Но всё, что я умею - это убивать. А значит, совсем скоро погибну от меча, стрелы или магии. Не видать мне спокойной смерти на тёплой постели в окружении детей, что родила мне красавица жена. И дел до бунтовщиков мне нет, если ты об этом спрашиваешь. Мне важно только личное счастье и счастье Ямира, — рыцарь

прекратил гладить бороду и, зевая, повернулся на Имиреса. — Пойдём. Быстро посмотришь подарок своей невесты и вернёмся к Наследнику. Мне ещё надо выспаться...

— Она не моя невеста... — Имирес продолжил идти к шатру. — Мы просто друзья. Такие же друзья, как отец и герцог Цоллерн.

— Не-не-не... Знаешь сколько я такого слышал? Ты с хуём, а она с пиздой. У вас нет ничего общего, — рыцарь шёл след в след за своим принцем.

— Какие вульгарные слова ты говоришь. Не думал поучиться этикетку или там... книжки почитать?

— Зачем такое сыну проститутки? — Имириал усмехнулся.

— Легче будет найти красавицу жену. И всё же с Адель мы просто друзья.

Имириал ответа не дал. Да он и не нужен был. Оба, наконец, дошли до палатки Люциана. Войдя внутрь, Имирес сразу увидел завёрнутую в красные ленты белую упаковку, стоящую на кровати. Пройдя до кровати, Имирес вскрывает подарочную упаковку ножом и достаёт от туда содержимое. Там лежало зеркало. Серебряное зеркало с двумя колосьями пшеницы, гербом Цоллернов. Зеркало отражало лицо Имиреса и он, наконец, смог хорошо себя рассмотреть.

Красные волосы, убранные в косу под стать старшему брату. Выбритые вески. Улыбчивые фиолетовые глаза. Маленький орлиный нос. Пухлые губы. И длинные заострённые уши, которые иногда даже могут шевелиться сами по себе.

— Мда. От вашей невесты я ожидал более практичного подарка.

— Мне он нравится. Она старалась выбрать его для меня.

— Какой ты ещё ребёнок... Хватит глазеть на себя красивого, пойдём к Наследнику. Быстро обсудим план завтрашнего сражения и спать.

— Да. Ты прав, Имириал.

Имирес убрал вскрытую коробку под кровать брата, а зеркало нацепил на свой пояс.

Обратный путь до командиров был коротким.

Внутри всё ещё был шум, который не угасал с момента ухода второго принца, а даже наоборот. Командиры спорили друг с другом, пока Люциан вглядывался в карту.

— Нет! Мы не будем вести с ними переговоров! Они предатели! Мятежники! Они бросили вызов Императору! Убили моего сына! Я не даю своего согласия на переговоры! — Бертрам уже был слегка пьян. Позади него стоял молодой оруженосец, до этого невиданный Имиресом.

— Родшен сам виноват в своей смерти. Если бы он придерживался плана, то Пятый легион не был бы разбит! Из-за него это восстание затянулось! — старому вояке возражал молодой граф Эб де Мо, на чьём лице была лисья ухмылка. Личный спор на повышенных голосах доставлял ему истинное удовольствие.

— Кажется, вы тут обсуждаете совсем не военные планы, — Имирес прошёл к брату, заговорив во все услышанье. — Дел до мёртвых нет. И переговоров, по возможности, мы должны избегать. Если мы пойдём на уступки сейчас, то придётся идти на уступки и другим регионам. А это развалит всю Империю. Я не могу этого допустить.

— Поддержу брата. Имирес прав, — Люциан начал двигать фишки. — Разделим Конницу. Одна половина всадников с левого фланга, другая половина с правого. Пехота выстроится в пять колонн и направится в атаку на холмы. Стрелки и маги пойдут следом. Прикрываемые щитами, они сами будут прикрывать подъем пехоты, — Люциан закончил двигать фишки и посмотрел на каждого в шатре по очереди. — Левую половину конницы я вверяю Бертраму. Правую — Имиресу. Я пойду в авангарде с пехотой. Эб будет командовать стрелками и магами. Кто-то против моего плана?

Все молчали. Но вдруг заговорил Имириал.

— Если там есть сильное колдунье, то, разделив их на три фронта, мы всё равно не сможем подняться. Предлагаю дождаться Третьего, а пока окружить весь холм, чтоб Готфрид не смог отступить.

— Понимаю. Я по началу тоже так хотел. Но, разведчики докладывают о войсках, что идут сюда на помощь Готфриду. Они будут здесь уже завтра, примерно к обеду, если продолжат идти тем же темпом. Мы же идём штурмовать ранним утром, — Люциан смотрел в глаза Имириала. — Маги не проблема. Я и Имирес будем прикрывать свои подразделения барьерами. Врагам придётся очень сильно постараться, чтоб пробить нашу защиту.

Командиры согласились на этот план. Имирес и Имириал поддержали Наследника.

Следующий час имперский лагерь получал указания на то, что им завтра делать. Солнце зашло за горизонт, а герои уснули.

Но планам свойственно меняться. Имирес проснулся от криков: "Они подняли знамя! Они хотят говорить!" Это кричали часовые, поднявшие весь лагерь на ноги.

Через 30 минут Имирес, уже в доспехах, сидел на белой лошади рядом со своим братом и другими командирами. На другом холме было поднято знамя Гесариев. Двуглавый золотой

грифон на белом поле смотрел на имперцев. Три всадника встали на холме, ожидая действий своих врагов.

— К чёрту их. Нападём сейчас. Пускай кто-то из магов убьёт их. Принц Имирес, убейте их огненным шаром, — говорил граф де Мо.

— Вы смеете приказывать что-то моему брату, де Мо? — Наследник злобно посмотрел на молодого графа.

— Нет! Они подняли знамя! Мы обязаны пойти на переговоры! — кричал Бертрам.

— Не вы ли вчера громче всех отказывались от переговоров? — Люциан, усмехнувшись, повернул голову на де Борна.

— Я на переговоры и не собираюсь идти. Но по воинским обычаям, если знамя командира вывешивают утром, то...

— Я и сам знаю, Бертрам. Но в переговорах уже нет смысла. На моего посыльного они никак не ответили.

— Стой, брат. Давай попробуем поговорить. Вдруг они сдадутся. Готфрид моего возраста. Он неопытный генерал. Наверняка понимает, что умрёт сегодня, — Имирес вглядывался в трёх всадников на другом холме.

— Ладно... Мы ничего не тратим. Кроме времени. Быстро переговорим, и если Готфрид решит не сдаваться, то убьём его и всех бунтовщиков сразу же. Все меня услышали? — в ответ Люциан получил «Да» от всех командиров и брата. — Тогда я пойду на переговоры. Имирес, де Мо и Рейн пойдут со мной в качестве свиты. За мной.

Закончив речь, Люциан пришпорил коня и помчался вперёд с холма. За ним бросились и остальные. На встречу им поскакали три всадника.

Через минуту семь человек в латах до самой головы, сидя на таких же бронированных конях, стояли на нейтральной земле в самой низине этой долины. Первым, кто заговорил, стал Готфрида. Он же первым и снял с себя шлем с маленькими декоративные белыми крыльями.

— Рад приветствовать Наследника, Второго принца и Речного рыцаря, — сидя на гнедом коне, Готфрид поклонился всем, кроме графа де Мо. — Сожалею, но ваш герб на доспехах мне не знаком. Впрочем, вы и не важны. Я приехал говорить с Наследником.

Готфрид малец, родившийся в том же году, что и Имирес. У него не растёт борода или усы. Его громкий голос имеет нотки смеха и оптимистичности. Большими зелёными глазами он быстро изучил всех четверых и их гербы. Голова Готфрида выбрита, но волосы, что когда-то там росли,

были цвета земли. С улыбкой на лице Готфрид смотрит на Люциана.

— Я рад, что вы согласились на переговоры.

— Мы приехали подавлять мятежников, а не говорить, — Люциан снял свой рогатый шлем.

— И как к мятежникам отношусь Я, эрла Хартен и эрл Барло? — Готфрид указал ладонью на своих спутников, всё ещё не показывающих лица, — Наши отцы и старшие братья подняли мятеж. Они погибли. А мы лишь хотим мира на наших землях.

— Вы не хотите мстить за отца и братьев, Готфрид?

— Мечь весьма разрушительная черта, присущая человеку. Не буду скрывать, в начале я и правда был зол на вас. А потом понял, что не вы убили моих драгоценных родственников. К сожалению, мнение моих спутников и солдат может различаться с моим, — Готфрид улыбнулся.

— Хотите знать, чего я хочу, раз мечь для меня грех?

— Просвятите, Гесарий, — оптимизмом Готфрида Люциан не проникся. Сейчас Наследник был самым серьёзным на всём свете из ныне живущих.

— Я хочу мира, — подняв глаза на небо, сказал Готфрид. — Настоящего мира. У меня мечта, чтоб сегодня, завтра и через века на землях Запада и всей Империи никогда не проливалась кровь.

— Странная у вас мечта, Готфрид. Но мне это по душе. Я тоже желаю процветания своей Империи, а также счастья для семьи и подданных.

— Тогда вы меня понимаете, Наследник. У меня есть условия для добровольной сдачи.

— С этого и надо было начинать, Готфрид, — ненадолго улынувшись, заметил Люциан.

— А я думал, что у вас лицо всегда такое, — брови Готфрида высоко поднялись вверх. — Прошу прощения за грубость, если оскорбил. Что ж, пожалуй начну излагать свои условия. Земли Гесариев, земли Хартегов, земли Барлов с землями эрлов Зоха и Смолока, отделятся от Империи, став независимым государством на Западе.

Несколько десятков секунд свита Люциана, как и сам Наследник, не могли подобрать слов. Они не знали, как им реагировать на столь резкое и дерзкое заявление шестнадцатилетнего мальчишки.

— А... — Люциан, лицо которого было скорёжено от возмущения и непонимания, наконец, стал выдавливать из себя слова. — Просто ради интереса... А что вы готовы отдать Империи, если,

предположим, я бы на такое согласился?

— Горы золота, серебра, железа и камня. Мы будем поставлять всё это в качестве подарка вам, — с лица Готфрида нисходила улыбка. — Ну и, разумеется, сегодня никто не умрёт. Ведь сражения не будет.

— Это... Бред? Император никогда не будет согласен на такое. Готфрид обезумел из-за горя, — граф Эб поделился своими мыслями в слух.

— Заткнитесь, граф. Вас не спрашивали, — быстро рявкнув на него, Люциан не отворачивался от Готфрида. — Но соглашусь с графом де Мо. Ваше предложение абсурдно. Отдавать треть Запада, лишаясь при этом всех ваших шахт, пригодных к сельскому хозяйству земель и лёгкой древесины - абсолютно глупое решение.

— Я думал, что нашёл родную душу. Но вы оказались совсем не тем, Наследник, — Готфрид больше не улыбался. — Вы ничем не отличаетесь от людей, что набивают свои карманы на чужом горе. Хотя нет. Всё же отличаетесь. Вы говорите, что ищите счастья для Империи, но убиваете её жителей. Это... Лицемерно. Вам так не кажется?

— Ах ты! Свинья западная! Как ты смеешь так говорить с... — крики де Мо прервал Люциан.

— Заткнись! Ещё одно слово вырвится из твоих уст, и я отрежу тебе язык! — Люциан мгновение смотрел на графа, а после вновь говорил с Готфридом. — Думайте что хотите, Гесарий. Ваше мнение для меня не важно. Я не дурак, что будет лишаться важных земель.

— Дураком я вас не назову. Но назову лицемером. Я уважаю вас, вашего брата и Императора. Я уважаю и люблю потомка Богов. Но в отличие от вас, ваш отец никогда не делал ничего противоречащего своим словам.

— Вы пытаетесь оскорбить меня пред битвой?

— Нет-нет. Я лишь хочу узнать вас. Понять вас. Прийти к миру честным путём. Ради этого я и поднял стяг. Ради этого я и поделился своей мечтой, мыслями и прямо сейчас говорю с вами честно, от всего сердца. Нет смысла в мире, что был построен на лжи. Я мог бы заливать вам в уши сладкие речи, пресмыкаться и наобщать того, что я и мои союзники не сможем сделать. Но я буду честен. Надеюсь вы это понимаете.

— Я вас понимаю... Кажется... Но поймите и вы, что у меня есть обязанности. Треть Запада, увы, вам отдать я не могу. Ваши земли слишком важны для всего Запада, а не только для Империи. Передай я вам их и начнутся проблемы с экономикой и логистикой ресурсов по всему Западу. Земли, что не могут обеспечить себя хотя-бы одним из ресурсов, придут в упадок. Начнётся голод. Люди будут жить в нищете. И так далее по списку...

— Хм... Извините, Наследник. С этой стороны я об этом не думал. Прошу прощения, — на лице Готфрида застыла глупая улыбка. — Видимо, лицемер здесь я, а не вы. Говорю о мире, но мои познания в разных сферах слишком бедны для хорошего правителя... Тогда... Скажите мне, пожалуйста, Наследник, есть ли у нас хотя-бы шанс решить всё миром, но чтоб мы отделились от Империи?

Люциан ушёл в себя. Его змеиные глаза сначала изучали Готфрида, а после его спутников. Помолчал пару минут, он, наконец, нашёл ответ.

— Нет. Сожалею. Причина всё та же. Слишком ваши земли важны для Запада. Мне жаль, Готфрид, — Люциан повернулся на Имиреса. — Но убивать мы вас не станем. Вы лорды Империи. Вы важны для Запада. Ваши отцы и старшие братья подняли восстание. Вы не виноваты в нём. Вы лишь заложники ситуации, которым не повезло нести тяжкий груз. Если вы сейчас сдадитесь, то и умирать никому не придётся.

— Раз наши земли не отделятся, то и сдасться я не могу... — лицо Готфрида омрачилось.

— И в чём причина? Разве вы не пацифист? Жизни людей, сегодня погибших, можно будет легко избежать, если вы прямо сейчас сдадите свой меч.

— Как и у вас, Наследник, у меня тоже есть обязанности. Мы — Западные народы, покоряемся только сильным. Если вы победите сегодня, то я даю слово, что Гесарии, Хартены, Барлы и иные эрлы, давшие мне обеты чести, будут воевать за Императора, а в частности, за вас, Наследник, — Готфрид вновь улыбался.

— Звучит хорошо. Обещаю, что вы, Готфрид, а так же эрла Хартен и эрл Барло сегодня не умрёте, — Люциан глянул на спутников лидера мятежников.

— Тогда... Я хотел бы договориться о времени нападения. Мои солдаты нуждаются в утренней молитве. Она начнётся в 8 утра. Потом уже можем сражаться.

— Хорошо.

— Прекрасно! — Готфрид слез с коня, направившись к Люциану. Имириал положил руку на рукоять меча, — Позвольте рукопожатие в качестве заключения договора? — Готфрид подошёл к Люциану, снял латные перчатки и протянул голую руку.

— Конечно, Гесарий, — Люциан слезает с коня и с улыбкой пожимает руку, — Вы весьма сильный юноша...

— Тренировки, ваше величество, — оба вернулись на коней. — Что ж. Раз нам больше не о чем глаголить, то и в переговорах более нету надобности. Восславим же сегодня Бога Огня своей битвой.

— Да успокоит он наше тела в прахе факела своего... — тихо добавил Имириал.

— Но... Последний вопрос... Позвольте, Речной рыцарь? — Готфрид глянул на Имириала, который сложил руки в молитве.

— Задавай, — рыцарь поднял забрало шлема.

— Вы с Императором знакомы с самого детства, если верить истории. А... Вы когда-то видели, как у него идёт кровь? — слова про кровь вызвали у Люциана и Имиреса странные холодящие мурашки по всему телу.

— Бывало. А что такое? — Имириал сплюнул огромный пенящийся ком в сторону.

— Значит, и его можно убить, — усмехнулся Гесарий. — Ох, извините. Мы заговорились. Скоро начнётся молитва. Прошу простить, нам пора. Наследник, Второй принц, Речной рыцарь, спасибо вам за согласие в этой встрече. Пускай после этой молитвы и прольётся кровь на этих холмах, но я рад, что мы пытались решить всё миром. Боги будут наблюдать за этой битвой. Удачи вам.

Окончив слова, Готфрид и его спутники удалились обратно на свой холм. Люциан направился в Имперский лагерь, а за ним и свита.

— Надо было их убить. Отрезать им всем головы и на этом восстание бы кончилось, — возмущался де Мо.

— И тем самым опозорится в истории? — возразил ему Имирес.

— В убийстве командиров нет ничего позорного. Обезглавленные солдаты, тупые, словно овцы, — де Мо поднял забрало. — Я не понимаю вас, Наследник. Зачем было обещать что-то детям предателей? Они предадут вас при первой же возможности! Они хотят отделиться! Они анархисты!

— Не суди детей по поступкам отцов. Сомневаюсь, что Гесарий подлый человек. Он может и дурак, но дурак честный. С девкой Хартенов и бастардом Барлов дело другое. Они молчали весь разговор. Вот за ними двумя присматривать стоит. Кто знает, что у них на уме, — ответил ему Люциан, вернув шлем на голову.

Томительным было ожидание скорой битвы. Война истощала не только тела, но и разум всех солдат. Убийство себе подобных не остаётся без следа. Кто-то начинает много пить. Кто-то начинает слишком много думать. А кто-то не выдерживает и дезертирует или того хуже...

Имирес наблюдал за передвижениями противников ожидая, сигнала брата для формирования баталии. Вдруг к нему на коне подъехал Бертрам со своим невзрачным оруженосцем. Герцог

заливал в себя уже пятую флягу, крепкой водки производимой только Севером.

— Принц! Сегодня прекрасный день, чтоб быть закованным в латы всадником! Не хотите хлебнуть для храбрости? Я вас угощаю. Прошу. Всё-таки ваш первый настоящий бой, — Бертрам протянул вонючую флягу.

— Откажусь. Если буду сражаться пьяным, то точно умру.

— Ха-ха-ха! А вы скучный, Имирес. Нет ничего плохого в том, чтоб напиться пред сражением!

— Вы так действительно думаете? В вашем возрасте это может плохо закончиться.

— Когда я пьян, то лучше сижу в седле, а мышцы мои становятся словно сталь! Алкоголь — это лучшее изобретение человечества! Только истинный человек мог придумать такое! — Бертрам громко рассмеялся. — Вам уже шестнадцать, да, принц?

— Вы забыли, сколько мне лет, герцог?

— Просто хочу подвести разговор к волнующей меня теме... — Бертрам разом выпил флягу, а после кинул её оруженосцу позади. — Моей прелестной дочери завтра исполняется пятнадцать. Самое время искать ей жениха. Самый лучший вариант это вы или ваш брат.

— Владлене завтра уже пятнадцать? Помню, как мы играли в детстве... Соболезную вам. Вы не видели того, как она становится настоящей леди, — Имирес перевёл глаза на герцога. — Но... Брака я пока не желаю. Это решение слишком важное, а в моём возрасте принимать что-то подобное слишком рано...

— Вы любите Цоллерну? — Бертрам на мгновенья стал абсолютно трезв, а голос его поутих. — Девушка она, может, красивая, но слишком умная. Вам нужна та, что будет глупее королевы, но умнее проститутки. Любовь сводила с ума даже Богов. Не уподобляйтесь им. Будьте выше, как ваш отец.

— Если хотите предложить мне в качестве жены Владлену, то расскажите об этом моему отцу, — Имирес закатил глаза и убрал голову к мятежникам. — Не нужно ввязываться в это Цоллернов, Богов и любовь. От этого моё мнение никак не изменится.

— Вам кто-то уже говорил, что вы слишком наивны, Имирес? — Бертрам вырвал новую флягу из рук оруженосца. — Вы сразу отказываетесь от предложения человека, за чьей спиной власть, армия, деньги и земля. Вы могли хотя-бы для приличия «подумать» над моим предложением. Дать мне надежду на успешный и счастливый брак для дочери. Но разрушили всё в один миг, — Бертрам с улыбкой выпивает. — За это я и уважаю вас. Вы честный. Бесхитростный. Пока остальные строят планы собственного будущего, вы просто наслаждаетесь тем, что есть вокруг. Наверно, такова половина вашей эльфийской крови. Будь вы человеком,

поступали бы вы иначе?

— Не знаю, Бертрам. А это важно?

— Знаете, сколько родилось полуэльфов с того момента, как Боги создали мир?

— Никогда не интересовался...

— Трое. На этот свет родились лишь три полуэльфа. Вы и двоица, чьи имена стёрлись из истории. Вы весьма уникальный. Но ваш брат и отец гораздо уникальнее. Как полудракон, ваш брат, первый в истории. А вот сильных магов в истории много, но сильных настолько, чтоб... В общем... Как бы сказать... Интересная у вас, блять, семья, Имирес. Удивительно, как при таких братьях и таком отце рождается слабая физически и магически маленькая девочка.

— Любите вы поговорить, Бертрам...

Тема про Мию всегда заботила Имиреса, да и всю Империю. Отец принёс её из первого подавления бунта на южных землях. Она чистый человек с красными волосами и голубыми глазами. Она красавица, спору нет. Но многих сильно интересует мать Мии. В Империи ходит много слухов по этому поводу, но отец молчит.

Раздался горн. Люциан подал сигнал всем командирам. Сейчас начнётся битва.

— Не умрите сегодня, принц. Первый бой для многих становится последним.

— И вы не смейте умирать, Бертрам! Не заставляйте Владлену плакать завтра! — Имирес сел на коня.

— Ха-ха-ха! Моя дочь не плакса! Она не будет горевать о моей кончине! Она будет кричать о том, как я жил! — Бертрам с оруженосцем скрылись в суматохе лагеря.

Через несколько минут армии были готовы к сражению. Люциан говорил речь, но он был слишком далеко от всадников, ведомых Имиресом. Младшему хотелось оказаться подле старшего. Они были рождены для совместных сражений и правления Империей. Уши Имиреса привлекли знакомые звуки. То были боевые латы Имириала. Речной рыцарь надевал их только в самые сложные сражения. Повернувшись свою голову, полуэльф видел, как старик в серебряных латах с зелёными живыми лозами по всему телу, скачет к нему на чёрном коне, держа в руках боевое знамя Империи.

— Я начал думать, что ты пропустишь битву... — подняв забрало шлема, с улыбкой сказал Имирес подъезжающему другу.

— Молодёжь будет веселиться, а старики уйдут на покой? Ага, щас прям! — фыркнул рыцарь.
— Точно хочешь драться? У тебя нет боевого опыта стычки. Тут не такая скорость, как на равнине, но если упадёшь с седла, то я тебе помочь не смогу.

— Люциан назначил меня командиром. Я не подведу его.

— Братишка твой как раз сейчас пиздит пафосную речь о долге, воинской чести и всём таком. Может, пизданёшь и ты для этих идиотов? — Имириал указал большим пальцем на строй выстроившихся всадников позади.

— Я... Что я могу им сказать? Я... Я же не Люциан. Не Наследник...

— Ты их командир. Они побегут за тобой на смерть. Напизди им пару красивых фраз и они будут думать, что сдохли сегодня не напрасно. Так это и работает. Вперёд, малыш. Пора взрослеть.

— Любишь ты меня иногда подставлять... — Имирес снял шлем и повернул верного коня к своим солдатам, пред этим усилив свой голос с помощью магии, чтоб все могли его слышать. — Слушайте меня, мужи Империи! Сегодня нам выпало испытание нашей силы, чести, долга и достоинства! Сегодня именно мы завершим войну длящуюся уже долгое время! Сегодня мы принесём мир в Империю! Мы - щит Империи! Мы - щит наших семей и домов! Мы - защита, что никогда не дрогнет! Пусть небеса содрогнутся от наших криков! Пусть земля трясётся под нашими копытами! Пусть Боги узрят ярость нашего бесстрашия! За моего отца! За Империю!

Люциан призвал всех к битве. Имперская армия начала стремительное движение к мятежникам. Легко было добраться до середины. Но тут начинается самое сложное. Подъем. Проблемы имперских коней в том, что они не приспособлены к холмам. Эти высокие и сильные животные должны бегать только по плоской местности. А вот у Запада конница совсем иная. Их кони шерстяные, низкие, но такие же выносливые.

Имирес заклинаниями защищал своих солдат. Стрелы и болты горели в фиолетовом огне, не достигая всадников. Вражеская магия, как и говорил Имириал, была больше сдерживающим средством. Имперские кони замедлялись, ломая копыта в земляных ловушках или пропадая вместе со всадниками глубоко в недрах холма. Имирес не мог защитить всех. Он жертвовал огромным объёмом маны, пытаясь расширить защитный купол. Но этого было недостаточно. Правый фланг увяз на расстоянии сотни метров до вражеских стрелков. Барьер исчез.

Имирес открыл глаза после сильного падения. Его лошадь, как и лошади большинства иных всадников, сломала свои копыта. Имирес пролетел пару метров, сильно приложившись головой о камни. Левый глаз не открывался. В ушах страшный погребальный звон. Руки и ноги не шевелятся. Тело холодеет.

Внезапно для самого себя сквозь ужасный шум Имирес слышит крики Имириала. Слов не разобрать, но явно то, как этот старый вояка ведёт оставшихся всадников дальше в атаку. Ему, наверное, страшно было наблюдать, как сын лучшего друга жёстко прикладывается о камни и

более не шевелится. Но проигрывать эту битву никак было нельзя.

Хрипя от боли, Имирес шевелит сначала пальцами рук, затем ног. Прерывистое из-за боли дыхание со временем выравнивается. Звон покидает уши, и на его замену приходит шум битвы. Крики умирающих, лязг стали, треск дерева и ржание коней смешались в один адский котёл. Имирес должен бояться сражений, должен бояться смерти, что окружала его. Но сейчас он на удивление спокоен.

Прошло мгновение для битвы, но Имиресу казалось, что он лежит в таком состоянии несколько часов. И лежал бы дальше, если бы Люциан не подул в горн. Брат вырвал младшего из рук Лени и Апатии, заставив двигаться. Секунда - и Имирес переворачивается. Земля стала скользкой и водянистой. Упасть лицом вниз сейчас равно нахождения на тонущем корабле. Имирес садится на колени. Его глаз озаряются по сторонам. Вокруг статичные тела всадников. Каждый из них сын кого-то влиятельного при деньгах господина. Тяжело осознавать то, что большая часть из них погибла не от удара о землю, а захлебнулась в той самой грязи. Весьма позорная смерть для воина.

Впереди была битва. Всадники настигли стрелков, но тут подбежала вражеская пехота, и началась очередная игра со смертью. Всадников стягивали с коней, забивали камнями, кололи в уязвимые места или душили голыми руками. Имириала не было видно.

Тая в себе частицы маны, Имирес тихо произносил заклинания. Он не мог встать на ноги, но это не значит, что бой для него окончен. Вокруг латных перчаток стали образовываться клубни дыма, а уже после сферы фиолетового пламени. Имирес кидал их вперёд, надеясь не зацепить кого-то из своих.

Принц смог поразить десятки солдат своим пламенем, прежде чем в него попали из арбалетов. Два болта пробили грудь Имиреса и тот упал. Тьма была повсюду...

— Агха... Ты поспешил давать ему командование, — далёкий знакомый мужской голос раздался откуда-то из темноты.

— Ему нужно учиться быть правителем. Он будет достойней меня. Сейчас была проба пера. Как оно было? — голос второго спутать было нельзя. То был Люциан.

— На твёрдую шестёрку. Я бы поступил иначе, будь у меня власть над конницей. Но он пытался и оно было хорошо для новичка, — наконец и этот голос стал ближе. Это был Имириал. — Мда... Если Элхирея увидит его таким, то явно не смогу спать пару месяцев...

— Хах! Я приму весь удар на себя, Речной рыцарь. Не волнуйся.

Имирес слегка открыл глаза. Голова гудела. Тело болело. Дышать и думать было больно. Пред собой принц видел брата и верного телохранителя, который не очень хорошо справился со своей работой. На них не было доспехов. Оба были ранены, но не смертельно. У Люциана

небольшой порез на щеке, а у Имириала вывихнута левая рука.

— О. Живой! — Люциан крепко, аж до хруста, обнял Имиреса.

— Тише! Тише! Он тока из обморока вылез, а ты его щас снова загонишь туда! — Имириал оттолкнул старшего от младшего. — Потерпите. Для ваших обнимашек сейчас не время. Имирес, чувствуешь что?

Имирес глазел на дорогих для него людей. Преодолевая кипящую боль, младший улыбался им. Сложно было двигать пальцами, дышать приходилось самому, через силу, а про говорить и речи не шло. Но Имирес попытался.

— В-воды... — ответил принц хриплым тихим голосом.

— Налей ему вина, Рейн. Сегодня можно, — улыбнулся Люциан. — И... Как бы прискорбно это не было, но мне пора идти. Нужно решить дела с пленными эрлами. Присмотрись за братом! — Наследник покинул шатёр принца.

Имириал замолчал. Он отошёл к дальнему столу и наливал вино из серебряного кувшина в два стакана. Попробовав первым, рыцарь ждал чего-то плохого, но нет, это было просто вино. Имириал прошёл к койке принца и стал поить его. Имирес кашлял, ведь это первый раз, когда он пьёт алкоголь. Но вкус понравился.

Имирес пришёл в себя, но это не значит, что на этом всё. Как и сказал Люциан, есть ещё много дел. Наследник заходит в палатку, где сидят закованные в деревянные кандалы эрлы. Внутри уже стоит Герцог Бон и граф де Мо. Они что-то пытались выискать у мятежников, но те были молчком.

— Я вроде ясно приказал, чтоб к пленным никто без меня не приближался, — Наследник потерял улыбку, с которой пришёл от брата.

— Агх, это... Мы просто хотели... — де Мо не приобрёл шрамов. Он находился далеко от сражения. Среди всех в этой палатке этот юноша был самым чистым и свежим.

— Я и де Мо просто пытались облегчить вам допрос, ваша светлость... — Бертрам был антиподом де Мо. Не сняв грязные и потные доспехи, не умывшись от крови и не отдавши оружия своему оруженосцу, герцог стоял и глазел на Люциана уставшими глазами.

— Допрос? — Готфрид усмехнулся. — Эти два идиота пытались так допрашивать? Я чуть не помер со скуки в ожидании вас, мой дорогой Наследник.

— Что ж, Гесарий. Битву вы проиграли. Это было, не побоюсь этого слова, сложно. Мой брат сейчас раненый, лежит в постели. Я сам уставший. А вы показали себя настоящими войнами.

Вы достойны похвалы. Ваше десяти тысячное войско дало хороший отпор нам. Освободите эрлов и эрлу от кандалов.

Люциан щёлкнул пальцами и через мгновенья пленники потирали руки и шеи, стоя на ногах.

— Нас было десять тысяч? — Готфрид с улыбкой посмотрел на своих друзей. — Будь нас десяток, то и стратегия была бы иная. Нас едва было шесть тысяч.

— Это уже не важно. Битву вы проиграли и по праву победителя я требую исполнения нашей с вами сделки.

— Конечно, Наследник. Жаль, что такова была цена моих слов и действий, но сегодня погибшие пали с честью, а выжившие теперь будут с честью служить вам, Наследник, — Люциан и Готфрид пожали руки.

— Но война ещё не окончена, — заметил молчаливый бастард Барлов. — Мы пытались искать союзников и некоторые отказались. Но я видел в их глазах жажду к свободе. Этот бунт был лишь маленьким огоньком. А скоро начнётся пожар, дай лишь повод.

Бастард был приземистым юношей. В этой палатке он самый низкий, самый чёрнобровый и самый лысый. Он немногим старше Люциана, но на лице видны лишь жалкие потуги в усы или бороду.

— А. Ты тот бастард. Ты держал фланг против моего брата. Надо сказать, весьма успешно. Если бы мой брат из-за тебя погиб, то я был бы милостлив и растянул твои пытки на пару лет, в конце даровав тебе покой на костре, — Люциан подмигнул. — Как я рад, что брат мой жив. Понимаешь?

— Вы весьма спешно начали угрожать своим вассалам, Наследник, — сказала гордая эрла Хартен.

Ей столько же, сколько и Мии. Эрла хоть и маленькая, хрупкая девушка, но на поле боя сражалась яростно, словно горная львица. На её милом гневном лице огромный синяк под глазом. Тёмно-синие короткие волосы были острижены совсем недавно. Голубыми глазами она злобно, совсем не боясь наказания, испепеляла Люциана.

— А ты, Хартен? Моя сестра не смогла бы так сражаться. Прими это как комплимент. Оттачивай фехтование и в следующий раз сможешь победить меня, — Люциан потёр рану на лице. Эрла быстрая, а если была бы ещё и точной, то порез сменился на глаз.

— А вы, Наследник, являетесь примером для подражания всех рыцарей? Ударили женщину. А вернее девочку! Разве это поступок настоящего рыцаря? — лицо леди страшно в гневе, особенно когда наполовину синее.

— А ты и правду с когтями... — улыбнулся Люциан. — Девочка, да? Часто девочки надевают доспехи и берут оружие в руки? Моя сестра таким не занимается. И всё же извини за твоё прекрасное личико. Я не хотел так сильно бить, пускай и ударял едва в пол силы...

— Ох. Эрлы наверняка устали после битвы, дорогой Наследник. Нам стоит даровать им покой, еды, питья и ванны, после той грязи, что всем нам пришлось пережить. К счастью, я всё уже подготовил, — Эб де Мо говорил всё это, улыбаясь белоснежными зубами. — Слугам отданы приказы. Стража будет охранять наших уже товарищей. А барды петь им песни о сегодняшней битве, прославляя обе стороны.

— А вы суетливы, Эб... Делать что-то без моего приказа... — Люциан сжал кулак, намереваясь огреть графа, пока брат не видит, но в разговор двух вмешался Готфрид.

— Ванна! Еда! Питьё! И песни! Что может быть лучше после хорошей битвы! Но надо быть цивилизованней. Обещаю вам, Наследник, что как только мы отдохнём, то я лично отправлюсь подавлять мятежные зёрна на всём Западе. Сегодняшнее сражение было последним в истории! Даю своё слово! Или я не Гесарий! — Готфрид сначала обнимал эрлов, а потом стал обниматься со всеми в палатке. В конце он обнял и Люциана, даже сумев поднять того над землёй.

— Хорошо... Отдыхайте, эрлы. Но, леди Хартен... Я хотел, что бы вы ночевали сегодня в моей палатке. Я желаю извиниться за свой поступок. Пускай мы были врагами на сегодняшней битве, но всё же синяк с вашего лица так просто не уйдёт. Вы же не против, леди? — Люциан подошёл к ней и пальцем приподнял её подборок, чтоб глаза смотрели друг на друга.

— Вы приказываете или просите? — фыркнула она, не закрывая глаз в ожидании ответа.

— Прошу. И вы должны это запомнить. Обычно я привык брать, что хочу и когда хочу. Но вы сегодня меня зацепили своим клинком. А это удавалось далеко немногим.

— Тогда я не против. Но мне нужны служанки. Сама я не смогу помыть себя до чиста.

— Слуги обслуживают всех... Отдыхайте. Если буду кому-то нужен, то до ночи я в палатке брата. А пока, вольно.

Люциан покинул своих вассалов вернувшись к раненому брату.

Тем же вечером в палатке Готфрида случилось страшное. Эрла нашли мёртвым. У него не было лица, ведь его резали кривым ножом. На теле было найдено 30 ран. В основном они были нацелены в область паха. Экспертиза лекарей показала, что Готфрид был отравлен парализующем ядом, но погиб только после двадцатого удара. Кожу с лица срезали ещё живому. Готфрид долго жил, но прожил недостаточно. Бастард и леди остались живы. На них не пытались нападать. Стражников, что охраняли Гесария, казнили. Эти идиоты напились настолько, что заснули на посту. Всех слуг, что подавали напитки, пытали всю ночь, но

никакой информации это не дало. Готфрида Гесарийского убили, а виновный так и не был найден. Смерть Готфрида - настоящая трагедия. Он был единственным законным наследником своих земель. Теперь же, как только соседи узнают о гибели владельца, земли Гесариев будут разграблены. Вернее, были бы разграблены... Люциан создал бумагу, по которой земли Готфрида переходят во владения графа Эба де Мо, для поддержания мира на только отвоёванных землях.

Принцы возвращаются домой и их встретят с триумфом.

<http://tl.rulate.ru/book/103768/3612248>